

влекла къ себѣ князя Андрея. Дѣло преобразованія, еще смутно знакомое ему, страстно интересовало его. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ партія преобразователей радушно приняла его, считая князя Андрея умнымъ и выдающимся лицомъ, и вдобавокъ либераломъ, ратовавшимъ за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Сперанскій предложилъ ему работать въ комиссіи составленія законовъ. Вопросъ объ открытіи Государственнаго Совѣта былъ близокъ къ своему разрѣшенію. Князь Андрей съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого разрѣшенія и придавалъ ему большую важность. Наконецъ, Государственный Совѣтъ открылся. Все стало ясно, опредѣленно, а потому и непритягательно для князя Андрея. Всѣ его хлопоты, искательства, исторія его проекта военного устава, который онъ представилъ государю и который былъ «принятъ къ свѣдѣнію» и о которомъ «умолчали» единственно потому, что другая работа, болѣе худшая, была уже раньше доставлена государю, его законодательная работа—все стало казаться ему ненастоящимъ дѣломъ сравнительно съ тѣмъ «маленькимъ, незамѣтнымъ», что онъ дѣлалъ въ своемъ имѣніи. «Изъ-за чего я бьюсь, изъ-за чего я хлопочу въ этой узкой, замкнутой рамкѣ? На что это мнѣ?»—спрашиваетъ себя князь Андрей. — «Вся жизнь, со всѣми ея радостями, открыта мнѣ. Я хочу пользоваться свободой, пока чувствую въ себѣ силу молодости. Надо вѣрить въ возможность счастья, и я теперь вѣрю въ него, хочу жить и извѣдать счастье».

Встрѣча съ графиней Ростовой дала ему именно эту иллюзію счастья. Юная прелесть Наташи, ея чистота, которая особенно цѣнилась княземъ Андреемъ, произвели сильное впечатлѣніе на него. Яркая личность